

В.В.Федюшин

Политическая организация Тулума-Танкаха в поздний постклассический период

Статья посвящена истории и политико-административной структуре позднеклассической политики майя с центром в Тулуме. С привлечением письменных и археологических источников доказывается тезис о том, что Танках был ее подчиненным центром. Выдвигается предположение о политическом главенстве жрецов в политической системе Танкаха и о копировании майяпанской модели надлокальной политической организации (мультипаль).

Ключевые слова: майя, Юкатан, постклассический период, политическая география, политическая организация, мультипаль.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТУЛУМА-ТАНКАХА В ПОЗДНИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Северо-восточное побережье п-ова Юкатан (ныне находящееся на территории мексиканского штата Кинтана-Роо) изучено гораздо хуже многих других регионов области майя. Такое положение вызвано событиями, последовавшими уже за испанской колонизацией Нового Света: стремительной депопуляцией района, переселением оставшихся жителей во внутренние районы полуострова, а также утратой и до того почти эфемерного контроля над северо-восточной частью полуострова со стороны слабеющей к середине XVII в. империи. Положение усугубила и Война Каст 1847—1901 гг.¹. Лишь в XX в. по мере археологического исследования Юкатана и в связи с изучением экономической структуры доколумбовой Месоамерики стало проявляться стратегическое значение прибрежных районов полуострова. К настоящему моменту его сильная вовлеченность в дальнюю торговлю между центральной частью Месоамериканского ареала и юго-западной периферией очевидна². Данные раскопок говорят о плотной заселенности побережья³. Политическая организация региона и характер связей между отдельными его поселениями, однако, остаются предметом научной дискуссии.

Владислав Валерьевич Федюшин — аспирант исторического факультета МГУ (vladfedyushin@gmail.com)

Важное значение в поздний постклассический период (XIII — начало XVI в.) имели Тулум и Танках — два монументальные центра древних майя, находящихся в средней части восточного побережья Юкатана примерно в 5 км друг от друга. Тулум, стоящий на естественном возвышении у берега моря, был основан в начале XIII в. Расположенный на отдалении нескольких сотен метров от побережья Танках, напротив, существовал уже на рубеже эр, достиг расцвета в поздний классический период и был заселен также вплоть до конкисты⁴. Предположение о политическом единстве Тулума и Танкаха не так давно было высказано рядом исследователей, но основывается, прежде всего, на археологических данных, а именно на существовании в зоне этих двух поселений особенно плотного и не имеющего очевидных внутренних границ кластера застройки⁵. Представляется, что существующие письменные источники (хотя и крайне скудные в силу изложенных выше обстоятельств) могут подтвердить эту гипотезу.

ШАМАНЦАМА-ТАНКАХ: ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В рассказе о том, как участники экспедиции конкистадора Эрнана Кортеса спасли из плена Херонимо де Агиляра — испанца, в 1511 г. потерпевшего кораблекрушение и до 1519 г. жившего среди майя в качестве раба, — в качестве его хозяина упоминается правитель (*касик*) Шаманцамы (*Jamancona*)⁶. Начиная с работ американского антрополога и историка Ральфа Ройса, данный топоним идентифицируется в историографии с Танкахом⁷, однако это предположение строится лишь на его буквальном значении. Из «Сообщений из Юкатана» 1579—1581 гг. известно о существовании близ развалин Тулума раннеколониального поселения под названием Цама⁸. Ройс вслед за этнографом Льюином Хьюэном решил, что Шаманцамой (дословно — «Северная Цама») должно было быть ближайшее селение к северу от Тулума, т.е. Танках. Сам Ройс до конца не был уверен в верности столь непрочной аргументации⁹, однако другие источники, описывающие спасение Х. де Агиляра, считают возможным подтвердить такую версию.

Так, участник экспедиции Э.Кортеса Берналь Диас дель Кастильо указывает расстояние до Шаманцамы, пройденное косумельскими посланниками, — два дневных перехода («*andadura de dos soles*»)¹⁰. Точкой отсчета, скорее всего, служит порт Поле, связывавший Косумель с материком и локализуемый на территории современного Шкарета¹¹. Расстояние от него до Танкаха по современному шоссе Канкун-Тулум, проложенному вдоль береговой линии и близкому к траектории кратчайшего пути, составляет около 50 км. В целом эта дистанция вполне соответствует свидетельству Б.Диаса дель Кастильо. Данные о пеших переходах как в Старом, так и в Новом Свете свидетельствуют, что стандартная длина такой дистанции колебалась в пределах 25—40 км¹². Следует иметь в виду, что в доиспанское время на восточном побережье Юкатана дороги практически отсутствовали¹³, а значит, расстояние дневного пути по обозначенному маршруту должно быть ближе к минимальной дистанции. У того же автора применительно к пути в Шаманцаму, однако, содержится двусмысленное указание: «вглубь земли» («*en la tierra adentro*»)¹⁴. В то же время «Сообщение» Анд-

реса де Тапии, другого участника экспедиции Кортеса, помещает селение, где содержался Х. де Агиляр, близ моря¹⁵. На первый взгляд авторы противоречат друг другу. Но оба определения оказываются верны по отношению к Танкаху, лежавшему на отдалении от моря и не имевшему портовых сооружений (что весьма необычно для данного региона).

В пользу версии о том, что искомое селение и было Танкахом, косвенно говорит и указанный у испанского хрониста середины XVI в. Франсиско Лопеса де Гомары жреческий титул правителя Шаманцамы — *ах-к'ин* Куц. Менее однозначно выглядит имя его преемника — *Taxmar*¹⁶. Безусловно,

Диего де Ланда

это искажение. Обоснованной представляется точка зрения Ройса, согласно которой за упомянутом выше написанием скрыто имя *Ah May*¹⁷. Однако данная форма усечена; она может быть либо именем, либо титулом преемника *ах-к'ина* Куца. Вполне возможен второй вариант. Именно так выглядел титул высшего жреца у майя-покомам¹⁸. Реконструкция аналогичного титула Чичен-Ицы, выполненная немецкими историками Александром Фоссом и Юргеном Кремером, показала, во-первых, его буквальное соответствие титулу *ах-май*, во-вторых — тождество высшему жреческому титулу Майяпана *ах-к'ин Май / ахав-кан Май*, зафиксированному у составителя наиболее полного историко-этнографического описания майя XVI в. Диего де Ланды¹⁹.

Однако в постклассическую эпоху концентрация политической власти в руках жреца была явлением редким и ненормальным. Так, наиболее массовый корпус раннеколониальных источников — «Сообщения из Юкатана» — практически всюду упоминает *ах-к'инов* в качестве именно жрецов, а не полновластных правителей²⁰. То же относится и к францисканским словарям данного периода²¹. Д. де Ланда, передавая локальную традицию, касающуюся устройства Майяпанской державы, прямо указывает, что в рамках данной крупной политики у верховного жреца «не было поместья с индейцами (*repartimiento de Indios*)»²².

Те редкие случаи, когда полномочия *ах-к'инов* выходят за рамки жреческих, являются яркими исключениями и, скорее, подтверждают правило. Среди «Сообщений из Юкатана» лишь документ из Кикиля говорит о том, что *ах-к'ин* осуществлял некоторые функции правителя (а именно — объявлял войну)²³. Однако Кикиль как политическая единица образовался в результате миграции нескольких общин в неурожайный год, очевидно, незадолго до конкисты²⁴, и привычная социальная структура в нем наверняка была нарушена; функции внешнего представительства могли достаться жрецу как лицу, обладавшему наибольшим авторитетом.

Еще один жрец-правитель упоминается в кодексе из Калькини. Речь идет об *ах-к'ине* Кануле, занявшем должность батаба (правителя) селения

Сакниктельчен, входившего в региональную политику (политическое образование) Канулей. Случилось это непосредственно после падения Майяпана²⁵, когда данная династия, приглашенная свергнутыми владыками в качестве наемников, оказалась в крайне затруднительном положении. Канули не успели влиться в местную знатную прослойку. Об этом говорит, в частности, то, что такой важный элемент легитимизации, как миф об их происхождении, в отличие от мифов Шивов или Ица*, нигде не отражен и вряд ли вообще существовал²⁶. Об отсутствии крепких связей с местными знатными родами говорит и легенда, изложенная Д. де Ландой: победители-Шивы после уничтожения Майяпана «дали возможность» Канулям занять отведенную им территорию с одним условием — не заключать брак с представительницами местных династий²⁷. Матримониальная и политическая обособленность Канулей отразилась не только в исторической традиции: несмотря на то, что по мере укрепления власти они сближались с некоторыми локальными династиями, уничтожение правящих родов и назначение в завоеванные центры собственных батабов осталось в практике Канулей²⁸. Таким образом, вполне вероятно, что и здесь *ах-к'ин* оказывается привлечен к управлению селением в экстренном случае.

Таким образом, *ах-к'ин* Куц, правивший Шаманцамой около 1511 г., не был единственной в своем роде фигурой. Однако исключительность, нехарактерность его положения для политической структуры майя Юкатана очевидна. Есть ли какие-то данные, которые могут его объяснить?

О конкретной политической или династийной истории Танкаха, к сожалению, почти ничего не известно. Однако обращает на себя внимание важное ритуальное значение данного центра. Крупных культовых сооружений на территории центра нет: самое значительное из них не превышает 7 м в высоту, со стороной квадратного основания 18 м²⁹. Однако восточное побережье Юкатана постклассической эпохи вообще не имело монументальных храмов, сравнимых с храмами северных и южных низменностей³⁰. В то же время еще первая детальная экспедиция под руководством американского археолога Уильяма Сандерса пришла к выводу о примерно равном соотношении числа ритуальных и жилых платформ³¹. Значимым объектом поклонения на территории этого городища служила пещера с сенотом**. Главной ее особенностью является каменная стела, аналогов чему нет на всей территории современного штата Кинтана-Роо³². На стены пещеры нанесены многочисленные рельефы, по стилю близкие центрально-мексиканским³³. Вполне вероятно, что данное сходство неслучайно и имеет ту же природу (а значит, и время происхождения), что и так называемый международный стиль в настенных росписях, сложившийся в поздний постклассический период на территории всей Месоамерики в результате усиления межрегиональных контактов³⁴. О важном культовом значении сенота говорит и тот факт, что он продолжал использоваться в качестве объекта по-

* Мифы о происхождении отдельных родов занимали важное место в месоамериканской мифологии. В наиболее полном виде образцы подобной мифологии дошли до нас от важнейших постклассических династий Юкатана — Шивов и Ица. В обоих случаях они содержали мотив завоевательного вторжения и происхождения от обожествленных предков.

** Сенот — карстовый провал в известняковой породе, открывающий доступ к подземным водам; главный источник воды в северной части Юкатана, не имеющей открытых водоемов.

клонения и в колониальный период³⁵. Хорошо известна и роль паломнического центра, которую выполнял Танках вместе с Тулумом³⁶. Логично предположить, что в крупном церемониальном центре, каким, несомненно, являлся Танках, авторитет и роль в управлении жречества могли быть куда выше, чем в полициях, основанных на военной и политической власти отдельных линиджей.

ТАНКАХ КАК ЧАСТЬ БОЛЕЕ КРУПНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вызывают интерес сведения о враждебных отношениях между Танкахом и Косумелем. Так, по словам Ф. Лопеса де Гомары, правитель Косумеля, выполняя просьбу Э.Кортеса найти посланников для выкупа Х. де Агиляра, сперва не смог отыскать добровольцев «из-за страха, который они испытывали, потому что он (хозяин пленника. — В.Ф.) был сеньор великий [gran] и жестокий. И такой, что, прознав о посольстве, приказал бы перебить его и съесть того, кто бы его возглавлял»³⁷. Конечно, личный секретарь Кортеса³⁸ пишет тенденциозно. Сложно поверить, что правитель Шаманцамы уничтожал иноземцев в силу своей жестокости — подобные мотивы служили лишь оправданием конкисты и христианизации³⁹. Но факт враждебности между Косумелем и Шаманцамой подтверждается и косвенно. Так, сам Э.Кортес в первом письме Карлу V (1519), кратко описывая спасение Х. де Агиляра, сообщает, что, спустя три дня после первого посольства, за ним было отправлено второе⁴⁰. Данная мера явно не была вызвана задержкой: на путь туда и обратно было отведено шесть дней⁴¹. Отправку второй группы нельзя объяснить ничем кроме неуверенности в сохранности или надежности первой. Таким образом, Ф. Лопес де Гомара не выдумал, что жители Косумеля боялись отправляться в Шаманцаму. Остается принять версию о военном противостоянии двух этих центров.

Данное противостояние сложно объяснить, исходя из предположения о независимости Танкаха. Численность населения данного центра, по подсчетам У.Сандерса, составляла несколько сотен человек⁴². Даже с учетом многочисленных и так и не исследованных деревень к западу⁴³ и, возможно, к северу⁴⁴ от городища население политии вряд ли было значительным. На Косумеле же накануне конкисты, по оценке американских археологов Уильяма Ратджи и Джереми Саблова, проживали 9-12 тыс. человек⁴⁵; более поздние подсчеты мексиканского археолога Адольфо Ивана Батуна Альпуче говорят о том, что в одном лишь второстепенном центре Буэна-Виста население составляло более 2 тыс. жителей⁴⁶. В рассматриваемый период весь Косумель находился под властью одного центра — Сан-Хервасио; внутри этой довольно крупной по региональным меркам политии происходила централизация власти⁴⁷. Таким образом, само соотношение сил не способствовало проявлениям агрессии со стороны правителя Танкаха.

Сухопутных границ между двумя образованиями не было: предположение мексиканских археологов Марии Флорес Эрнандес и Мануэля Эдуардо Переса Риваса⁴⁸ о том, что к началу XVI в. Косумель мог начать экспансию на побережье⁴⁸, пока остается недоказанным. Несмотря на то, что исключать это предположение нельзя, и взаимоотношения между островом и лежащим напротив него портом Поле, несомненно, были очень тесными, вряд ли можно считать, что косумельские владения доходили до окрестно-

стей Танкаха. В свете этих данных логично предположить, что Танках был частью какой-то более крупной политики. Вероятнее всего ее столицей был расположенный поблизости Тулум.

Как уже упоминалось выше, археологические исследования показали наличие в конце позднего постклассического периода зоны плотной жилой застройки между двумя этими центрами. Она не ограничивалась лишь территорией между ними. Так, дорога, идущая от Тулума к югу, тянулась как минимум на 3 км⁴⁹. К северу и к западу от Танкаха, где имелось сравнительно много пригодной для сельского хозяйства земли⁵⁰, застройка становилась более дисперсной, постепенно переходя в сельскохозяйственную округу⁵¹. Общая численность населения исследованной зоны должна была составлять около 9 тыс. человек⁵². Эта зона, однако, включает лишь полосу шириной около 200—300 м, лежащую между морским побережьем на востоке и мангровыми болотами на западе. Очевидно, что она не охватывает всю политику, сельские поселения которой могли лежать как к западу от топей (через которые также были проложены дороги), так и далее к югу и северу⁵³.

В южной части Тулума, этого фактически единого поселения, имелась оборонительная стена, с трех сторон защищавшая монументальный центр площадью около 20 га⁵⁴. Тулум не был единственным в своем роде укрепленным городищем: на восточном побережье Юкатана постклассического периода оборонительные стены имелись в Шкарете, Плайя-дель-Кармен, Шельхе и Ичпатуне. Однако имеющиеся сооружения не могли сравниться с построенными в Тулуме ни по размерам, ни по выраженности их сугубо практического, военного характера⁵⁵. Внутри защищенного города была образована сеть улиц, проецируемая в качестве дорог в пригороды⁵⁶.

Жилая застройка поселения также демонстрирует весьма высокую по меркам региона стратификацию. Разнообразны как размеры платформ (от 5 до 20 м в длину, от 4 до 10 м в ширину)⁵⁷, так и материалы, из которых были сделаны стоявшие на них постройки. В целом археологические данные свидетельствуют о весьма глубоком социально-экономическом расслоении, подразумевающем появление сложной политической организации. При этом на большей части побережья Кинтана-Роо, пусть и плотно заселенной, не было сухопутных путей, стратификации жилых строений и крупных политико-ритуальных центров⁵⁸, что говорит об обгоняющем характере политогенеза в зоне Тулума-Танкаха.

О том, что процессы политической централизации могли начаться задолго до рубежа XV—XVI вв., свидетельствует и сам факт основания монументального центра и строительства крепости именно на территории нынешнего Тулума. С точки зрения природных условий данная зона может быть интересна, пожалуй, прежде всего своей защищенностью и стратегическим положением на торговом пути, огибавшем полуостров: со стороны моря городище прикрыто крутым обрывом высотой 12 м, в то же время рядом с ним имеется удобное место для стоянки каноэ⁵⁹. Центральный храм (так называемый Эль-Кастильо), несомненно, выполнял роль ориентира — по крайней мере, он являлся таковым еще в колониальный период⁶⁰. Однако условия обитания в данной местности значительно хуже, чем на территории Танкаха. Почвы вблизи южного центра намного беднее⁶¹. Количество доступных источников воды в Тулуме также значительно меньше, чем в Танкахе⁶². Логично предположить, что основать укреплен-

ный монументальный центр в не самом пригодном для хозяйственной деятельности месте было под силу только крупной централизованной политике. Это произошло в начале XIII в.⁶³ и, возможно, было связано с возвышением Майяпана, в середине XIII — середине XV вв. контролировавшего значительную часть полуострова: монументальные постройки и жилища знати копировали майяпанские, организация храмового ядра сильно перекликалась с той, что была в центре-гегемоне⁶⁴. В данный период важной основой существования политической надстройки региона наверняка была морская торговля, стимулировавшаяся ростом потребностей знати Северного Юкатана⁶⁵. Однако никаких признаков упадка в Тулуме после разрушения Майяпана не наблюдается⁶⁶, что позволяет допустить, что уже к этому моменту местная знать установила контроль над весьма обширными земельными районами.

МУЛЬТЕПАЛЬ В ТУЛУМЕ-ТАНКАХЕ

О подчиненном положении Танкаха лишнее раз свидетельствует отсутствие в нем зданий дворцового типа, что было зафиксировано еще в 1920-е годы американским археологом Сэмюэлем Лотропом⁶⁷. На территории памятника было обнаружено девять крупных (30-60 м в длину и 15-40 м в ширину) платформ, не имевших культовых построек. Однако здания на них были построены из органического материала и не сохранились⁶⁸. В то же время в Тулуме на территории построек дворцового типа, где, судя по всему, проживала высшая знать политики, обнаружены характерные гробницы-оссуарии, содержащие останки людей разного пола и возраста, очевидно, принадлежавших соответствующему роду⁶⁹. Подобных сооружений платформы Танкаха не содержат. Захоронения на территории единственного каменного сооружения Танкаха, которое может быть признано резиденцией знати⁷⁰, совершались, начиная с доклассического периода (середина III в. до н.э.) до середины XIV в. и выполнены в виде одиночных погребений в границах жилой платформы⁷¹; керамика, обнаруженная на его территории, датируется не позднее конца XIV в.⁷².

Поздний постклассический период в истории восточного побережья Юкатана — это время активизации торговых связей, вызвавшей рост населения, особенно бурный в эпоху майяпанской гегемонии и на рубеже XV—XVI вв.⁷³. Естественно, те же причины неизбежно должны были приводить к усилению социального неравенства и усложнению политических структур в регионе. Танках, один из крупнейших церемониальных центров на территории современного штата Кинтана-Роо⁷⁴, не демонстрирует эти процессы. Сложно объяснить данное обстоятельство, исходя из предположения о самостоятельности Танкаха: будучи паломническим центром, расположенным довольно удобно (разрыв в прибрежном рифе, позволяющий подплывать к побережью у поселения)⁷⁵, он должен был бы стать важным экономическим центром. Этого, однако, не произошло (что отразилось не только на застройке и отсутствии портовых сооружений, но и на крайне низком содержании в культурном слое обсидиана⁷⁶: этот стеклоподобный материал вулканического происхождения в Месоамерике, почти не знавшей металлических орудий, использовался для изготовления разнообразных лезвий; ближайшие к Северному Юкатану центры его добычи располагались в Горной Гватемале, поэтому его можно считать довольно точным маркером дальней торговли).

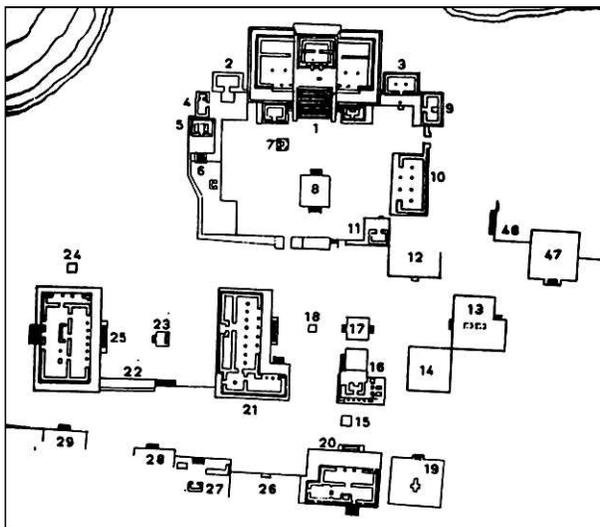
В том случае, если бы Танках был полусамостоятельным центром второго уровня, аналогичным *батабилию* в большинстве слабоинтегрированных политий Северного Юкатана, можно было бы рассчитывать найти здесь каменные резиденции знати, о статусном значении которых говорится в испанских источниках. Так, Д. де Ланда в одном случае пишет, что в деревянных домах жило простонародье, противопоставляя такие жилища домам сеньоров⁷⁷, а в другом указывает, что резиденции сеньоров расписывались фресками (что предполагает каменную основу), называя их дворцами⁷⁸. О том, что лишь *касики* строили здания из камня («более для авторитета, чем потому что чувствуют себя в них хорошо»), говорится и в «Сообщении из Мотуля»* 1581 г.⁷⁹ Однако каменных зданий, использовавшихся бы в качестве родовых жилищ знати после середины XIV в., на территории Танкаха нет. В то же время огороженный центр Тулума содержит сразу несколько таких жилищ дворцового типа, выстроенных в майяпанском стиле⁸⁰. Иконография хорошо сохранившихся настенных росписей городища, дублирование посвященных одним и тем же божествам храмов позволяют говорить о проживании в Тулуме нескольких соперничающих, но тесно взаимосвязанных знатных линиджей⁸¹.

В самом факте организации власти в постклассической политике майя через альянс нескольких линиджей нет ничего примечательного. В результате резкой социальной трансформации на рубеже I-II тыс. идея священного царства ушла в прошлое, и властные отношения стали формироваться на основе сложных связей между несколькими линиджами, приводя к образованию советов высшей знати, номинально являвшихся высшим органом власти⁸². В историографии данная система известна под названием *мультипаль* (юк. *mul tepal* — «объединенное правление»). Модель *мультиपालа* широко применяется к политическим системам крупных региональных государств постклассического периода: Чичен-Ицы (хотя вопрос остается дискуссионным)⁸³, государства майя-киче со столицей в Утатлане⁸⁴, и, в особенности, к Майяпанской державе⁸⁵.

Данная модель была экстраполирована рядом ученых и на постмайяпанские мелкие политические образования п-ова Юкатан⁸⁶. Основания для этого имеются: к моменту конкисты совещательные органы власти существовали на всей территории полуострова, пусть и на локальном уровне: речь идет, прежде всего, о советах местной знати при правителях отдельных политий, возглавляемых *хольпопами* (юк. *holpop*)⁸⁷. Однако, учитывая размер данных политий, в этом нет ничего особенного, такую иодель можно было бы считать специфическим проявлением общинных элементов в раннегосударственной структуре. Представляется, что главная особенность майяпанского *мультиपालа* вообще касается не совещательного правления, а концентрации правящих линиджей в одном центре. Так, по словам Д. де Ланды, все местные правители земель, входивших в Майяпанскую гегемонию, жили внутри стен столицы; фактическое управление подвластными им территориями осуществляли назначаемые наместники, а связь между ними обеспечивало специальное должностное лицо — *кальвак* (юк. *caliuc*)⁸⁸.

* «Сообщения из Мотуля» относится к корпусу так называемых «Сообщений из Юкатана» 1579—1581 гг.

В подавляющем большинстве случаев пост-майяпанская политическая система, упростившись, потеряла эту характерную черту, а институт совета подчиненных лиц на постоянной основе продолжал существовать лишь на уровне мельчайшей политической единицы — *каха* (юк. *cah*), объединявшей ряд мелких сельских общин. Именно о таком локальном совете говорит Словарь из Мотуля*, определяя его здание (юк. *popol nah*) как «общинный дом, где собираются, чтобы вести речь о делах республики, и обучаться танцам для какого-либо праздника селения»⁸⁹.

Центр монументальной зоны Тулума

Правители относительно крупных региональных образований, *кучкабале́й* (юк. *cuchcabal*), несомненно, согласовывали свои действия с *батабами* отдельных *кахов*, однако каждый из них проживал в своем селении. Принятие коллективных решений требовало их съезда⁹⁰. В наиболее полной мере централизованная форма *мультипалля*, подобная имевшейся в Майяпанской державе, вероятно, сохранялась в государстве ица в Петене, где представители или правители подчиненных селений тоже проживали в столице (Нохпетене) и не обязательно принадлежали линиджу верховного правителя⁹¹. В ряде других крупных центров Петена (Сакпетен, Топоште, Тайясаль) имеются более одного так называемых залов с колоннами (англ. *colonnaded halls*) — строений, в постклассическую эпоху выполнявших роль ритуальных и административных центров отдельных знатных родов и наиболее хорошо исследованных на материале Майяпана и Утатлана⁹².

На территории Тулума также были раскопаны по меньшей мере три здания, которые можно соотнести с данным типом построек: строения 10 (ассоциированное с центральным храмом, что также имеет майяпанские аналоги⁹³) 21 и 25. Ряд других строений, не отвечающих критериям залов с колоннами, может быть идентифицирован в качестве резиденций знати. Учитывая отсутствие на территории Танкаха каменных зданий дворцового типа, которые использовались бы позднее середины XIV в., можно предположить, что политическое устройство Тулума-Танкаха, подобно устройству современных ему государств Петена, копировало (разумеется, в сильно умень-

* «Словарь из Мотуля» (исп. *Calcpino de Motul*) — францисканский словарь середины XVI в., особенно ценный большим количеством приводимых повседневных выражений и устоявшихся фраз, относящихся к еще не претерпевшим сильных изменений реалиям доколониальной общественной жизни майя.

Тулум. Современный вид

шенном виде) систему Майяпанской державы. Упоминание еще в эпоху конкисты касика Шаманцамы как отдельной фигуры говорит о наличии как минимум одного центра второго порядка и двух (считая с династией Цамы-Тулума) правящих линиджей. Их могло быть и больше, но пролить свет на данный вопрос может только систематическое археологическое изучение районов, лежащих в отдалении от морского побережья.

Из данного предположения, если оно верно, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, влияние Майяпана в зоне восточного побережья не ограничивалось одним лишь распространением определенного художественного стиля или отдельных предметов культа и быта. Оно касалось также и политических, и социальных отношений периферийных политий. Тщательное воспроизведение майяпанских образцов монументальных построек и жилищ знати в наиболее сильно вовлеченных в дальнюю торговлю центров наподобие Тулума, Сан-Хервасио или Кайе-Коко⁹⁴ дополнялось распространением идеологии, сложившейся в среде высшей знати Майяпанской державы. Политическая модель, предложенная этой идеологией, была адекватна задаче создания крупной централизованной политики в специфических условиях постклассического периода (исчезновение представлений о священной царской власти, сосредоточение власти в руках глав отдельных влиятельных линиджей, закрепление совещательных органов власти начиная с общинного уровня). Существование совета локальной знати в Майяпане не мешало концентрации реальной власти в руках нескольких (или даже одного) линиджей⁹⁵. В то же время его наличие легитимировало власть гегемона, а обязанность подчиненных правителей проживать в столице позволяла, с одной стороны, держать их под контролем, а с другой — способствовала концентрации прибавочного продукта в одном центре и,

следовательно, оживлению торговых отношений, которое началось на восточном побережье Юкатана в XIII в.⁹⁶ Показательно, что примерно в таких же условиях в Горной Гватемале, не имевшей практически никаких контактов с Северным Юкатаном, происходит образование крайне похожей политической структуры в рамках державы майя-киче. Однако такая организация, объективно необходимая для создания крупных региональных государств, принималась и некоторыми находившимися под их культурным влиянием мелкими политиями, в частности Тулумом-Танкахом.

Строительство монументального центра и оборонительной стены Тулума приходится на начало XIII в. Отсутствие более ранних поселений на этом месте, его неудобство для оседлой земледельческой жизни (но удачное расположение с точки зрения контроля над торговым путем) — все это говорит о том, что появление Тулума было результатом целенаправленной политики. Изначальное сходство планировки всего комплекса и отдельных зданий с майяпанскими наводят на мысль о том, что город мог быть основан в качестве торговой колонии каким-то из могущественных линиджей Северного Юкатана. Но, хотя мы знаем об участии членов высшей знати Майяпана в торговых экспедициях по меньшей мере до берегов Гондураса⁹⁷, данная версия пока не может быть сколько-нибудь основательно подтверждена. Кроме того, стоит иметь в виду, что наличие залов с колоннами предполагает постоянное проживание местной знати на территории Тулума. Каким бы ни было начало его истории, в состав майяпанского централизованного *мультипала* наряду с политиями Северо-Западного Юкатана он, очевидно, не входил, что, впрочем, не означает отсутствия политической зависимости.

Замена и/или релокация правившего в Танкахе линиджа произошли не ранее середины XIV в., т.е. спустя полтора столетия после возвышения Майяпана. Детали данного процесса неизвестны. Вероятно, свою роль здесь сыграло большее торговое значение южного центра, несравнимое со значением Танкаха. Последний, однако, продолжал существовать в качестве административной единицы вплоть до испанского завоевания.

Сильная зависимость демографического роста и социальной структуры рассматриваемого региона от интенсивности торгового обмена вдоль его берегов — хорошо известный факт⁹⁸. Не вызывает сомнений и тесная связь торговли и культа в Месоамерике, полнее всего раскрывшаяся в практике паломничеств, распространившейся по всему ареалу в постклассический период⁹⁹. Представляется, что именно с этой точки зрения следует смотреть на причины конфликта между Тулумом-Танкахом и Косумелем. Кроме того, надо иметь в виду, что зафиксирован он был вскоре после начала взрывного роста населения восточного побережья Юкатана на рубеже XV—XVI вв.¹⁰⁰ Причиной такого роста в этом малопригодном с точки зрения сельского хозяйства регионе могла стать только активизация дальней морской торговли между юго-западной мезоамериканской периферией и ее центром. Представляется неслучайным тот факт, что эта активизация совпадает с началом в 1428 г. нового этапа демографической и политической истории Центральной Мексики, включавшего создание и дальнейшую территориальную экспансию державы ацтеков, могущество которой во многом основывалось именно на торговле¹⁰¹.

¹ A.P.A n d r e w s. The Archaeology and History of Northern Quintana Roo. — *Geology and Hydrogeology of the Yucatan and Quaternary Geology of Northeastern Yucatan Peninsula*. New Orleans, 1985, p. 140; A.G.M i l l e r, N.M.Farris. Religious Syncretism in Colonial Yucatan: The Archaeological and Ethnohistorical Evidence from Tancah, Quintana Roo. — *Maya Archaeology and Ethnohistory*. Austin, 1979, p. 228-229; J.M.C o n U r i b e. The East Coast of Quintana Roo: A Brief Account of Archaeological Work. — *Quintana Roo Archaeology*. Tucson, 2005, p. 15.

² M.A.M a s s o n. In the realm of Nachan Kan: Postclassic Maya archaeology at Laguna de On, Belize. 2nd ed. — Boulder, 2015, p. 108; E.S á n c h e z M o n t a ñ é s. Valoración de la arquitectura posclásica de Cozumel y la Costa oriental. — *Los mayas de los tiempos tardíos*. Madrid, 1986; A.B a r r e r a R u b i o. Littoral-marine economy at Tulum, Quintana Roo, Mexico. — *The Lowland Maya Postclassic*. Austin, 1985; M.F l o r e s H e r n á n d e z, M.E.P é r e z R i v a s. Apuntes para el estudio de la organización sociopolítica de la costa oriental de Quintana Roo. — *Nuevas perspectivas sobre la geografía política de los mayas*. México, 2006.

³ Ibidem Op. cit.; A.P.A n d r e w s. Op. cit.

⁴ A.G.M i l l e r. The Postclassic sequence of Tancah and Tulum, Quintana Roo, Mexico. — *The Lowland Maya Postclassic*. Austin, 1985, p. 32; A.B e n a v i d e s C a s t i l l o. Cobá y Tulum: Adaptación al medio ambiente y control del medio social. — *Estudios de Cultura Maya*, 1981, V. 13, p. 216.

⁵ M.F l o r e s H e r n á n d e z, M.E.P é r e z R i v a s. Op. cit, pp. 83-85.

⁶ F.L ó p e z d e G ó m a r a. La conquista de México. Zaragoza, 1552, fol. 11r.

⁷ R.L.R o y s. The political geography of the Yucatan Maya. Washington, 1957, pp. 146-147.

⁸ M.d e l a G a r z a et al. (eds.). Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán. 2 vols. México, 1983, vol. 2, pp. 147-149.

⁹ R.L.R o y s. Op. cit., p. 147.

¹⁰ B.D í a z d e l C a s t i l l o. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. México, 1904, T. 1, p. 72.

¹¹ A.G.M i l l e r, N.M.Farris. Op. cit., p. 227; A.P.A n d r e w s. Op. cit., p. 131; J.B.G l o v e r, D.R i s s o l o, J.P.M a t h e w s, B.F o r d. The hidden world of the maritime Maya: Lost landscapes along the North coast of Quintana Roo, Mexico. — *The archaeology of maritime landscapes*. NY, 2011, p. 195.

¹² L.C a s s o n. Travel in the Ancient world. Baltimore, 1994, pp. 314-315; K.G.Hirth. The Aztec economic world. Cambridge, 2016, p. 240, 330.

¹³ M.F l o r e s H e r n á n d e z, M.E.P é r e z R i v a s. Op. cit., pp. 92, 98.

¹⁴ B.D í a z d e l C a s t i l l o. Op. cit., p. 72.

¹⁵ A.d e T a p i a. Relación de Andrés de Tapia. — *Colección de documentos para la historia de México*. México, 1866, T. 2, p. 556.

¹⁶ F.L ó p e z d e G ó m a r a. Op. cit., fol. 11r.

¹⁷ R.L.R o y s. Op. cit., p. 147.

¹⁸ S.W.M i l e s. The Sixteenth-Century Pokom-Maya: A Documentary Analysis of Social Structure and Archaeological Setting. — *Transactions of the American Philosophical Society*, New Series, 1957, V. 47 I. 4, p. 750.

¹⁹ A.W.V o s s, H.J.K r e m e r. K'ak'-u-pakal, Hun-pik-tok' and the Kokom: The Political Organization of Chichén Itzá. — *The Sacred and the Profane. Architecture and Identity in the Southern Maya Lowlands*. Saurwein, 2000, pp. 10-11; Д.д е Л а н д а. Сообщение из Юкатана. М.— Л., 1955, с. 114 (D.de Landa. Soobshchenie iz Yukatana [Relación de las cosas de Yucatán]. Moscow and Leningrad, 1955, p. 114).

²⁰ M.d e l a G a r z a et al. (eds.). Op. cit., vol. 1, p. 146, 390; Eidem, Op. cit., vol. 2, p. 37-39, 86, 88, 187, 217, 322-323.

²¹ R.A r z á p a l o M a r í n. Op. cit., fol. 20 r; A.de Ciudad Real. Diccionario de Motul (español-maya). Motul, s.n. [manuscrito], fol. 49 v; F.S o l a n a. Vocabulario muy copioso en lengua española e maya de Yucatán. Mérida, 1580 [manuscrito], p. 200.

²² Д.д е Л а н д а. Op. cit., p. 114.

²³ M.d e l a G a r z a et al. (eds.). Op. cit., vo2. 1, p. 268.

²⁴ Ibid., p. 267.

²⁵ T.O k o s h i H a r a d a (ed.). Código de Calkiní. México, 2009, pp. 45-48.

- ²⁶ M.Flores Hernández, M.E.Pérez Rivas. Alianzas y estrategias de legitimación de la nobleza indígena en el norte de Yucatán durante el posclásico: Un enfoque comparativo y multidisciplinario. — Estudios de Cultura Maya, 2012, V. 40, p. 143.
- ²⁷ Д.де Ланда. Op. cit., c. 120.
- ²⁸ T.Okoshi Harada. Los Canules: análisis etnohistórico del Códice de Calkiní. México, 1992, p. 239-246.
- ²⁹ W.T.Sanders. Cultural ecology of the Maya lowlands. Part II: Pre-Hispanic settlement patterns. — Estudios de Cultura Maya, 1963, V. 3, p. 219.
- ³⁰ E.Sánchez Montañés. Op. cit.
- ³¹ W.T.Sanders. Explorations on the East coast of Yucatan. — The Carnegie Maya: Carnegie Institution of Washington notes on Middle American archaeology and ethnology. vol. 1. Boulder, 2006, p. 721.
- ³² L.A.Martos López. Espacios sagrados, espacios profanos: Cuevas mayas del centro-oriente de Yucatán. México, 2014, p. 85.
- ³³ A.G.Miller. Archaeological investigations at Tulum and Tanchah, Quintana Roo, Mexico: A progress report of the 1974 season. — Studies in Ancient Mesoamerica. V. 2. Berkeley, 1975, p. 49-50.
- ³⁴ M.A.Mason. The Late Postclassic symbol set in the Maya area. — The Postclassic Mesoamerican world. Salt Lake City, 2003.
- ³⁵ S.Chládek. Exploring Maya ritual caves: Dark secrets from the Maya underworld. Lanhan, 2011, p. 91.
- ³⁶ A.G.Miller. West and East in Maya thought: death and rebirth at Palenque and Tulum. — Primera mesa redonda de Palenque. Pebble Beach, 1974, pp. 46-47; J.W.Palka. Maya pilgrimage to ritual landscapes: Insights from archaeology, history, and ethnography. Albuquerque, 2014, p. 81.
- ³⁷ F.López de Gómar. Op. cit., fol. 8r.
- ³⁸ T.Hillerkus. Das Präkolumbianische Maya-Tiefeland aus Europäischer Sicht: Ein Beitrag zu den Grundlagen und zur Lösung der quellengenetischen Probleme einer Reihe kolonialzeitlicher Dokumente mit ethnographischem Inhalt. — INDIANA, 1987, B. 11, p. 92.
- ³⁹ A.Gómez Muller. Sobre la legitimidad de la conquista de América: Las Casas y Sepúlveda. // Ideas y valores. Vol. 40, núm. 85-86. 1991. pp. 3-18
- ⁴⁰ P.Gayanos (col.). Cartas y relaciones de Hernán Cortés al emperador Carlos V. Paris, 1866, p. 11.
- ⁴¹ Ibidem, p. 11.
- ⁴² W.T.Sanders. Explorations..., p. 721.
- ⁴³ Idem. Cultural ecology..., p. 221.
- ⁴⁴ A.Benavides Castillo. Op. cit., p. 210.
- ⁴⁵ W.L.Rathje, J.A.Sabloff. Ancient Maya commercial systems: A research design for the island of Cozumel, Mexico. — World Archaeology, 1973, V. 5, I. 2, p. 225.
- ⁴⁶ A.I.Batún Alpuche. Agrarian production and intensification at a Postclassic Maya community, Buena Vista, Cozumel, Mexico. Gainesville, 2009, p. 239.
- ⁴⁷ J.G.Connor. The ceramics of Cozumel, Quintana Roo, Mexico. Tucson, 1983, p. 343.
- ⁴⁸ M.Flores Hernández, M.E.Pérez Rivas. Apuntes..., p. 99.
- ⁴⁹ A.Benavides Castillo. Op. cit., p. 210.
- ⁵⁰ R.L.Roy. Op. cit., p. 146; W.T.Sanders. Explorations..., pp. 721-722.
- ⁵¹ Idem. Cultural ecology..., p. 221; A. Benavides Castillo. Op. cit., p. 210.
- ⁵² Ibidem, p. 219.
- ⁵³ E.Vargas Pacheco. Apuntes para el análisis del patrón de asentamiento en Tulum. — Estudios de Cultura Maya, 1985, V. 16, p. 66.
- ⁵⁴ A.Benavides Castillo. Op. cit., p. 216.
- ⁵⁵ E.Vargas Pacheco. Consideraciones generales sobre las fortificaciones militares en Tulum, Quintana Roo, México. — Estudios de Cultura Maya, 1984, V. 15.
- ⁵⁶ M.Flores Hernández, M.E.Pérez Rivas. Apuntes..., p. 99; A.Benavides Castillo. Op. cit., p. 220; E.Vargas Pacheco. Apuntes..., p. 62.
- ⁵⁷ Ibidem, p. 69.
- ⁵⁸ M.Flores Hernández, M.E.Pérez Rivas. Apuntes..., p. 99.
- ⁵⁹ R.C.Abbas Shatto. Maritime trade and seafaring of the Precolumbian Maya. College Station, 1998, p. 179.

- ⁶⁰ M.E.R o m e r o , S.G u r r o l a B r i o n e s . España y Nueva España: sus acciones transmarítimas. México, 1991, 83-84.
- ⁶¹ R.L.R o y s . Op. cit., p. 146.
- ⁶² P.A.B e d d o w s , J.B.G l o v e r , D.R i s s o l o , A.M.C a r t e r , R.J a i j e l , D.M.S m i t h , B.G o o d m a n - T c h e r n o v . The Proyecto Costa Escondida: Recent interdisciplinary research in search of freshwater along the North Coast of Quintana Roo, Mexico. — *Wiley Interdisciplinary Reviews: Water*, 2016, V. 3, I. 5, p. 754.
- ⁶³ A.G.M i l l e r . The Postclassic sequence..., p. 32; E.Vargas Pacheco. *Sociedad y Naturaleza. Una aproximación al mundo maya a través de la arqueología, la lingüística y las fuentes históricas. — Perspectivas antropológicas en el mundo maya*. Madrid, 1993, p. 367.
- ⁶⁴ M.A.M a s s o n , C.P e r a z a L o p e . Kukulcan's realm: Urban life at ancient Mayapan. Boulder, 2014, pp. 42, 553.
- ⁶⁵ *Ibidem*, pp. 549-550.
- ⁶⁶ A.G.M i l l e r . The Postclassic sequence..., p. 48.
- ⁶⁷ C.A.H a n s o n . The Late Mesoamerican village. New Orleans, 2008, p. 50.
- ⁶⁸ W.T.S a n d e r s . Cultural ecology..., pp. 220-221.
- ⁶⁹ E.V a r g a s P a c h e c o , P.S a n t i l l á n . Sistema de enterramientos en Tulum. — *Estudios de Cultura Maya*, 1992, V. 19, p. 109; E.V a r g a s P a c h e c o , P.S a n t i l l á n . Tumbas osarios de Tulum. — *Anales de Antropología*, 1990, V. 27 N. 1.
- ⁷⁰ A.G.M i l l e r . Archaeological investigations..., p. 14.
- ⁷¹ *Idem*, The Postclassic sequence..., p. 34.
- ⁷² *Ibidem*, p. 39.
- ⁷³ M.A.M a s s o n . In the realm..., p. 251.
- ⁷⁴ W.T.S a n d e r s . Cultural ecology..., p. 219.
- ⁷⁵ N.M.F a r r i s , A.G.M i l l e r . Maritime culture contact of the Maya: underwater surveys and test excavations in Quintana Roo, Mexico. — *International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 1977, V. 6, I. 2.
- ⁷⁶ R.S i d r y s . Mass-distance measures for the Maya obsidian trade. — *Exchange systems in prehistory*. NY, 1977., p. 96 table 1.
- ⁷⁷ Д.д е Л а н д а . Op. cit., c. 196.
- ⁷⁸ *Ibidem*, c. 140.
- ⁷⁹ M.d e l a G a r z a et al. (eds.). Op. cit., vol. 1, p. 274.
- ⁸⁰ A.S m i t h . Residential and associated structures at Mayapán. — *Mayapán, Yucatán, Mexico*. Washington, 1962, p. 178.
- ⁸¹ M.A.M a s s o n . In the realm..., pp. 237, 248.
- ⁸² J.J.C h r i s t i e (ed.). *Maya palaces and elite residences: An interdisciplinary approach*. Austin, 2003, p. 3.
- ⁸³ E.B o o t . Multepal 'joint rule or government' at Chichen Itza, Yucatan, Mexico: Historic reality, or not? — *Chichén Itzá: Nuevas interpretaciones históricas*. Hannover, 2007, p. 130.
- ⁸⁴ J.F.F o x , G.W.C o o k . Constructing Maya communities: Ethnography for archaeology. — *Current Anthropology*, 1996, V. 37 I. 5, p. 812.
- ⁸⁵ M.A.M a s s o n , C.P e r a z a L o p e . Op. cit., p. 48-50.
- ⁸⁶ M.A.M a s s o n . In the realm..., p. 265-266.
- ⁸⁷ W.M.R i n g l e , G.J.B e y III. Post-Classic and Terminal Classic courts of the Northern Maya Lowlands. — *Royal courts of the Ancient Maya*, vol. 2, Boulder, 2001, p. 271.
- ⁸⁸ Д.д е Л а н д а . Op. cit., pp. 113-114.
- ⁸⁹ R.A r z á p a l o M a r í n . Op. cit., fol. 381r.
- ⁹⁰ S.Q u e z a d a , T.O k o s h i H a r a d a (eds.). *Papeles de los Xiu de Yaxá, Yucatán. México*, 2001, p. 55-56; T.Okoshi Harada (ed.). Op. cit., pp. 51, 60-61.
- ⁹¹ G.D.J o n e s . The conquest of the last maya kingdom. Stanford, 1998, pp.71-72, 105-106.
- ⁹² P.M.R i c e , D.S. Rice (eds.). *The Kowoj: Identity, migration, and geopolitics in Late Postclassic Petén, Guatemala*. Boulder, 2009, p. 45-49, 261; T.W.P u g h , P.M.R i c e . Arquitectura estilo Mayapan y evidencias de organización dual en el sitio Postclásico de Zacpeten, Petén. — *X Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 1996; J.A.V a l d é s , M.A.V a l l a r a d e s . Historia de la arquitectura prehispánica de las Tierra Bajas mayas de Guatemala: El posclásico, fase III. Guatemala, 2010, pp. 39, 37 fig. 15; J.K.J o h n s o n . Postclassic Maya site structure at Topoxte, El Peten, Guatemala. — *The Lowland Maya Postclassic*. Austin, 1985.

⁹³ G.J.B e y III, R.M a y C i a u. The role and realities of popol nahs in Northern Maya archaeology. — The Maya and their Central American neighbors: Settlement patterns, architecture, hieroglyphic texts, and ceramics. London, 2014, p. 336.

⁹⁴ M.A.M a s s o n, C.P e r a z a L o p e. Op. cit., p. 42.

⁹⁵ Ibidem, pp. 49-50.

⁹⁶ M.A.M a s s o n. In the realm..., p. 108.

⁹⁷ Д. д е Л а н д а. Op. cit., 120.

⁹⁸ M.F l o r e s H e r n á n d e z, M.E.P é r e z R i v a s. Apuntes..., pp. 83-84.

⁹⁹ S.P a t e l. Pilgrimage and Caves on Cozumel. — Stone Houses and Earth Lords: Maya Religion in the Cave Context. Boulder, 2005, pp. 99-101.

¹⁰⁰ A.P.A n d r e w s. Op. cit., p. 139.

¹⁰¹ K.G.H i r t h. Op. cit., pp. 214-223.

Vladislav V.Fedyushin (vladfedyushin@gmail.com)
Postgraduate student, Moscow State University, Faculty of History

The political organization of Tulum-Tancah in the Late Postclassic period

Abstract. The article is dedicated to the history and political and administrative structure of the Late Postclassic Maya polity of Tulum. The author argues the hypothesis that Tancah was its secondary center using the data from both written and archaeological sources. He suggests the priests' political leadership within Tancah and imitation of Mayapan's supralocal political organization (multepal) in Tulum-Tancah.

Key words: Maya, Yucatan, Postclassic period, political geography, political organization, multepal.